

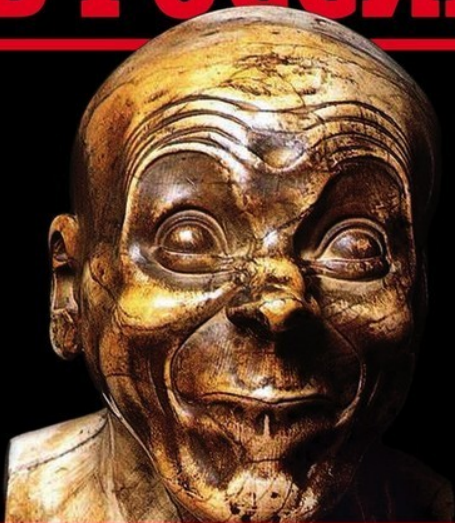

ЛЕВИАФАН

ЭРИК ФОРД

**НАРОД И ВЛАСТЬ
В РОССИИ**

ОТ РЮРИКА ДО ПУТИНА

Эрик Форд
Народ и власть в России.
От Рюрика до Путина
Серия «Левиафан»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23578755

Народ и власть в России. От Рюрика до Путина: Алгоритм; М.; 2017

ISBN 978-5-906914-64-4

Аннотация

Эрик Форд – известный публицист, пишущий о русской политике и истории. В первых главах своей книги он дает исторический обзор, в котором перед читателем предстанут такие государственные деятели, как Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Николай I, Николай II, Ленин, Сталин и другие. Автор показывает, как жил при них народ и как относился к этим правителям. От исторического обзора он переходит к современности и разбирает путинский период правления. Принцип анализа, который избирает Э. Форд, тот же: что власть при Путине дала народу в политическом, экономическом, социальном планах; в чем причина поддержки или неприятия путинского режима определенными слоями населения.

Содержание

Предисловие	5
От Рюрика до Александра Невского	9
Московское царство	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эрик Форд
Народ и власть в России.
От Рюрика до Путина

© Форд Э., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Чем является человек для государства – целью или средством? Пожалуй, это главный вопрос, определяющий особенности той или иной страны. Арнольд Тойнби писал в свое время («Война и цивилизация»), имея в виду «универсальное», иначе говоря, тоталитарное государство:

«Существует факт веры в бессмертие универсальных государств, веры, которая переживает века и тысячелетия, когда на то нет, казалось бы, никаких оснований. Каковы причины этого феномена, столь странного на первый взгляд?

Одна из явных причин заключена в силе личного обаяния, производимого основателями универсальных государств и их последователями. Причем, как правило, эти впечатления передаются последующим поколениям с сильными преувеличениями, превращаясь в легенду.

Другая причина устойчивости веры в бессмертие универсальных государств – впечатляющая грандиозность самого учреждения. Эта грандиозность вырастает из смутного времени и символизирует оживление распадающегося общества, поэтому она и завоевывает сердца людей.

Третья причина – тоталитарность, всеобъемлющий характер универсального государства. В политическом плане универсальное государство – высшее выражение чувства единства, которое является психологическим продуктом процес-

са социального распада. Универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается подданными как панацея от бед смутного времени».

Для России это характерно в наибольшей степени. Ее история состоит из постоянно повторяющихся периодов «смутного времени», единственным спасением от которого казалось тоталитарное государство. Оно воспринималось как панацея от всех бед, во имя него русские готовы были терпеть любые лишения, идти на самопожертвование. Государство очень быстро осознало это и начало использовать такие черты национального характера в своих интересах. Известное высказывание Сталина о том, что люди – всего лишь винтики в государственном механизме, точно отражало реалии русского мира. В то время как на Западе шла непрерывная и успешная борьба за благополучие каждого конкретного человека, в России высшей целью существования считалось укрепление государственной машины. В результате, как отмечают многие исследователи, государство своими политическими амбициями и военными потребностями деформирует естественное развитие экономики и общества. Известный историк Василий Ключевский писал, что на протяжении русской истории «внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа».

Одним из способов доказать необходимость тоталитарного государства и, соответственно, ограничения свободы на-

рода было постоянное напоминание о внешних угрозах. Пожалуй, нигде в мире не говорили так много о враждебном окружении страны, как в России. Со времен Московского царства и до нашего времени здесь вновь и вновь реанимируется тезис о «чужих» и «хищниках», готовых растерзать страну и уничтожить ее. Каждое вражеское нашествие служит дополнительным подкреплением этого тезиса, каждое внутреннее потрясение объясняется влиянием враждебных России сил. Между тем беспристрастный анализ хода мировой истории показывает, что Россия вовсе не была исключением из общего правила. Как отмечал все тот же Тойнби, любое государство в своем развитии вынуждено было постоянно отвечать на вызовы и угрозы внешнего мира, а также решать неизбежные внутренние проблемы.

В книге, которую вы собираетесь прочесть, сделана попытка объективно разобраться, кто были истинные «чужие» и «хищники», терзающие Россию, и были ли оправданы ограничение свободы народа и забвение прав личности борьбой за выживание страны. В конечном счете именно в этом заключается ответ на вопрос, чем является человек для государства – целью или средством.

Для написания книги использовались в основном труды российских исследователей, чтобы не возникло подозрение в ее «западном заказе» – утверждение, столь популярное ныне в России. Что касается самого автора, он всегда считал и будет считать русский народ одним из величайших на зем-

ле; народ, подаривший миру Толстого, Чехова, Чайковского, Рахманинова, Репина, Серова и десятки других светочей мировой культуры, не может не быть великим.

От Рюрика до Александра Невского

Ядовитый парадокс истории заключается в том, что русские начинали свою историю как раз в качестве «хищников» и «чужих». Предки русских – славяне – появились на юго-восточных окраинах Европы довольно поздно, в V–VI веках после Р.Х., и сразу начали хищнические набеги на земли Византийской империи. Славяне стали сущим проклятием Византии, – разорения, которые они наносили ей, сопоставимы с разорением Западной Римской империи германцами и гуннами.

Когда образовалась Киевская Русь, ее князья продолжали совершать походы на византийские земли, то есть грабить, насиловать, убивать местных жителей, и эта традиция сохранялась до XI века, потому что даже после принятия христианства русские продолжали вторгаться в причерноморские области, принадлежащие Византии. Удивительно, что эти кровавые и жестокие набеги подаются в русских учебниках истории как славная страница прошлого России, а князь Святослав, всю жизнь проведенный в завоевательных походах, является положительным героем.

Следует отметить также, что территория, на которой поселились русские, им не принадлежала: до них тут жили фин-

но-угорские племена, бесцеремонно оттесненные или ассимилированные пришельцами. Большинство топонимов на географической карте центральной России имеют финское происхождение, даже название русской столицы – Москва – финское.

Впрочем, русским тоже приходилось страдать от «хищников»: находясь у границ Великой степи, тянущейся на тысячи миль до самого Китая, они постоянно подвергались нашествиям азиатских кочевников; был период, когда русские земли были покорены Хазарским каганатом и входили в его состав.

«Нашествие чужих» проявлялось и в походах викингов (русские называли их «варягами») – они быстро взяли под свой контроль важнейший торговый путь от Балтийского до Черного моря, проходивший через Русь. Закончилось все тем, что викинги полностью подчинили себе русские земли, основали здесь свою династию и создали государство. Эта династия, ведущая свое начало от полулегендарного Рюрика, правила Россией на протяжении более семи веков. Примечательно, что в русском языке слово «русские» – прилагательное, а не существительное, в то время, как обозначения других национальностей – существительные. Видимо, это отражает восприятие древними русскими себя как принадлежащими викингам, одно из имен которых было «ро-усь» или «русь», что дало название всему государству и его жителям. Таким образом, слово «русские» отвечает на во-

прос «вы чьи?», а не «вы кто?»

В этом заключен особый смысл русской ментальности. Как писал знаменитый философ Николай Бердяев, в русских заложен некий «соблазн покорности», – по словам Бердяева, «вечно бабье в русской душе». В статье с аналогичным названием он пишет:

«Русские отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри... Великая беда русской души – в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем».

«В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варягов-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет», – продолжает Бердяев. – Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная

женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа».

Для русских, однако, крайне обидно, что их государство создано «чужими», поэтому в российской историографии можно проследить постоянные попытки объявить Рюрика славянином, однако в этом, как ни странно, виноваты и немецкие историки. В XVIII–XIX веках они разработали так называемую «норманнскую теорию», которая утверждала полное превосходство немцев над русскими, – в том числе из-за того, что русские якобы не способны были даже создать государство без помощи викингов-норманнов.

«Норманнская теория» всегда служила оправданием экспансионистских германских планов в отношении России, так что русским волей-неволей приходилось ее опровергать, прибегая даже к таким сомнительным с точки зрения исторической правды аргументам, что Рюрик был не норманном, а славянином. Впрочем, дело не только в этом: поздно появившиеся на подмостках сцены мировой истории, вынужденные жить на окраине европейской цивилизации, а затем надолго отрезанные от нее и задержавшиеся в своем развитии русские чрезвычайно болезненно относятся ко всему, что хоть как-то умаляет их страну и нацию. То, к чему французы, например, отнеслись бы с юмором и посмеялись, поскольку непоколебимо уверены, что Франция – лучшая стра-

на в мире, а французский народ – наилучший их всех народов, и поколебать эту уверенность не может ничто, – русские воспринимают как оскорбление. Для того чтобы преодолеть эту подростковую обидчивость и обрести уверенность, русским надо перестать чувствовать себя ущемленными, но как раз этого не хочет русская власть. Ведь если русские действительно станут свободными, ей придется измениться или уйти.

* * *

Подлинное вторжение «чужих» русские испытали в начале XIII века, когда (в 1237 году) на Русь обрушились монгольские орды. За три года хан Батый, внук Чингисхана, покорил почти все русские земли, и более чем на двести лет Русь оказалась под монгольским игом.

Российский исследователь Борис Кагарлицкий в своей книге «Периферийная империя» так описывает монгольское вторжение на Русь:

«Жестокость монгольского нашествия была поразительной даже по средневековым понятиям... Население подвергалось немыслимым насилиям, зачастую просто поголовно истреблялось. Истребление людей было планомерным и хорошо продуманным, причем происходило это не только в городах, но и в сельской местности. «После того, как крестьяне закончили для них уборку урожая, они всех убивали, точно

так же, как они убивали (первоначально изнасиловав) всех женщин в землях, откуда они уходили; после чего переходили разорять другие земли», [отмечает средневековый летописец].

...Русь, впрочем, не послужила «заслоном» на пути монгольских орд из Азии в Европу. Пройдя Русь, полчища Батыя вошли на территорию западных стран вполне боеспособными. Разгромив Польшу и Венгрию, победив немецких рыцарей в Силезии и разграбив Чехию, монголы даже планировали двигаться дальше в Италию и Францию, где их ожидала богатая добыча. «Фактически войска Батыя победили европейских рыцарей во всех сражениях, – отмечают западные историки. – Не усталость татар или географические факторы спасли Европу, а внезапная смерть Великого хана Угедея, из-за которой разразился кризис наследования в Монгольской империи».

После нашествия Батыя монголы стали назначать правителя Руси («великого князя»), кроме того, она платила им тяжелую дань. Ричард Пайпс пишет («Собственность и свобода»):

«Взятие на себя русскими князьями ответственности за поддержание порядка и сбор дани от имени монголов имело различные последствия для политического будущего страны, причем все они были неблагоприятны для самоуправления. Во-первых, эти крайне непопулярные действия внесли отчуждение между князьями и их народом, создали став-

шую постоянным фактом русской истории пропасть между правителями и управляемыми. Во-вторых, это поощрило князей на использование автократических методов. До монгольского завоевания русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом англосаксонского фолькмота. Немецкие купцы, посещавшие Новгород в средние века, поражались сходству вече с учреждением, которое они знали у себя в Германии под названием *gheteine ding* или «общее дело», причем «дело» (*ding*) понималось в старинном значении «собрание». В домонгольское время вече были во всех русских городах, притом самые сильные среди них часто изгоняли князей, проигравших битву или как-либо иначе им не угодивших. Поэтому не без оснований можно предполагать, что при естественном ходе событий русские города, подобно западным, стали бы центрами самоуправления и гарантами гражданских прав для своих жителей.

Монголы предотвратили такое развитие. У них не было никакой нужды в вече, которое было опорой сопротивления их требованиям. Русские князья, обязанные собирать дань для монголов, также не имели причин благосклонно относиться к собраниям, которые мешали им выполнять свой долг перед монгольскими властителями. В результате во второй половине XIII века эти собрания остались без употребления. Исключение составил север, особенно Псков и Новгород, в других же местах вече исчезли, оставив князей единственными носителями власти. Там, где князья сталкивались

с неповиновением своих подданных, они обращались за помощью к хозяевам-монголам. Князь Александр Невский, которого Сарай назначил великим князем во Владимир (1252–1263) и который позднее был канонизирован русской церковью, отличился жестоким подавлением народного сопротивления монгольским поборам. То же можно сказать и о московском князе Иване I Калите.

Таким образом, в условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями. Монгольский способ управления Россией через князей-прислужников привел к устранению демократических институтов и заложил основы будущего самодержавия. Проблема монгольского влияния на русскую историю – выпячиваемая одними и загоняемая далеко в тень другими – может быть решена на основе признания, что монгольскую политическую систему русские не перенимали, потому что созданные завоеваниями и поддерживаемые военной силой институты империи кочевников для занятого сельским хозяйством населения не годились. Но русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом, как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав. Такой образ мышления и поведения пережил монгольское иго». [Конец цитаты].

Парадоксально, но это страшное время, унесшее сотни тысяч, а может, миллионы русских жизней и наложившее неизгладимый отпечаток на русское государство и менталитет русского народа, не вызывает у русских неприязни к Востоку в широком смысле этого слова, – между тем Запад, принесший русским куда меньше бед, всегда воспринимается с подозрением и враждебностью.

Нам могут возразить на это, что Россия слишком многое потеряла во Вторую мировую войну, когда армии Гитлера нанесли колоссальный урон ее населению и хозяйству. Это так, но враждебность к Западу возникла задолго до Второй мировой войны, еще в глубокой древности. Истоки ее можно найти все в том же XIII веке, а связана она с именем упомянутого Пайпсом князя Александра Невского, младшего сына великого князя Ярослава, прославившегося тем, что он первым из всех русских князей поехал к хану Батю и признал его власть (в 1239 году) – и это тогда, когда Русь еще не была полностью завоевана монголами: Киев они захватили лишь в следующем году. Действуя как типичный коллаборационист, князь Ярослав (а затем и даже в большей степени Александр) убеждал русских, что им необходимо смириться с монгольским игом и приводил доводы, доказывающие чуть ли не полезность монгольской власти для Руси. Главным до-

водом стала «угроза с Запада», а доказательством шведский и немецкий походы в 1240 и 1242 годах на земли Великого Новгорода (самый крупный из всех русских торговых городов).

Этим походам отводится такое большое место в официальной русской историографии, а князь Александр, отразивший их, сыграл такую большую роль в формировании идеологии российского государства, в том числе делении мира на «своих» и «чужих», что мы должны остановиться на этой теме подробнее.

Вот как описывает причины и основные события шведского и немецкого походов Борис Кагарлицкий («Периферийная империя»):

«Новгородский экспорт того времени представлен прежде всего пушниной, воском. Среди европейской аристократии той эпохи распространяется мода на меховые шубы. В Англии XIV века церковь вынуждена принимать специальные запреты, чтобы монахи не носили меха. Английский король Ричард II потряс воображение современников, заплатив за шубу целых 13 фунтов! Сумма действительно немалая: в то время на эти деньги можно было купить целое стадо – 86 быков.

Некоторое количество меха поступало из Норвегии, но, как отмечают западные авторы, «к концу XI века большая часть мехов приходила в Западную Европу из России, а не из Скандинавии. Датчане и шведы по-прежнему могли по-

лучать дань с народов, живших на Балтике, но не могли уже свободно заходить на русскую территорию, как раньше. Русские князья все более эффективно контролировали территорию, а Новгород особенно заботился о том, чтобы держать под контролем Карелию. Купцы, которые хотели получать лучшие меха в больших количествах, должны были ехать за ними на новгородский рынок, который становился для них все важнее».

Именно «почти монопольное господство на меховом рынке», по мнению Покровского, обеспечивало Новгороду его место в новой системе европейской торговли, складывавшейся на Балтике. Однако за это господство надо было бороться. Пограничные конфликты со шведами становятся в XIII веке обычным делом, пока в XIV веке граница не стабилизируется. Война с немецкими рыцарями в Прибалтике идет тоже почти непрерывно, с переменным успехом. Орден меченосцев и сменивший его Ливонский орден превращаются во внушительную военную силу.

Советские историки постоянно подчеркивали оборонительный характер развернувшейся борьбы, доказывая, что благодаря походам новгородцев «Русь не стала добычей немецкого рыцарства». Но правда состоит в том, что хотя порой немцы доходят до Пскова, большая часть сражений происходит на территории, подвластной Ливонскому ордену, куда, в свою очередь, регулярно вторгаются новгородские дружины. Именно в Эстонии были одержаны главные побе-

ды новгородцев. В 1234 году князь Ярослав Всеволодович разгромил немцев на реке Эмбах под Дерптом. Знаменитое Ледовое побоище 1242 года, когда Александр Невский наголову разбил немецких рыцарей, состоялось во время возвращения новгородцев из набега на территорию Ливонии. Ожесточенная Раковорская битва 1269 года, закончившаяся с неопределенным исходом, состоялась также на эстонской земле...

Конфликт со шведами в Карелии и на берегах Невы развивался по той же логике, что и противостояние с немцами. Впоследствии масштабы и значение Невской битвы были преувеличены русскими летописцами и историками до таких масштабов, что стало возникать сомнение в том, имела ли эта битва вообще место (в шведских хрониках упоминаний о ней мы не находим). В советских исторических книгах неоднократно повторяется утверждение, будто целью шведского войска, высадившегося на берегу Невы, был поход на Новгород, однако ни имеющиеся данные о численности шведского отряда, ни его действия об этом не свидетельствуют.

Описание сражения в «Житии» святого Александра Невского настолько фантастично, что воспринимать его в качестве исторического источника невозможно: шведы названы здесь римлянами (видимо, имеется в виду их принадлежность к римско-католической церкви), а неприятельские войска оказываются в итоге сокрушены архангелами. Новгородская летопись дает более правдоподобную картину, хотя

тоже довольно размытую. По мнению историка Александра Нестеренко, это был обыкновенный грабеж: «дружина князя Александра неожиданно напала на лагерь шведских купцов... Если немцы приходили в эти края торговать, проповедовать христианство и просвещать, то русские – грабить и получать дань». Когда же новгородская летопись пишет про большое шведское войско, высадившееся на Неве, он решительно с этим спорит, доказывая (кстати, совершенно справедливо), что столь многочисленной силы там быть не могло.

Судя по всему, небольшой отряд шведов пытался построить в устье Невы укрепленный торговый пост. Новгородцы, поняв, какую это представляет угрозу для их торговли, отправили дружину Александра и согнали шведов с берега. Говоря современным языком, имел место пограничный инцидент на спорной территории (историк Александр Широкоград возмущается тем, что ряд «русофобствующих историков» попытался «свести битву до уровня малой стычки», но сам же признается, что шведов было «меньше, чем предполагали наши патриоты-историки», не более тысячи человек).

Хотя рассказы позднейших русских и советских историков про агрессию шведских феодалов на Русь, отраженную Александром Невским, представляют собой явный плод идеологического творчества, конфликт между Новгородом, Швецией и Ганзой на протяжении большей части XIII века совершенно реален. Причем новгородцы отнюдь не всегда были обороняющейся стороной. Уже в 1187 году они

(если верить «Хронике Эрика») разграбили и сожгли шведскую столицу Сиггурну. Из разрушенного города в Новгород привезли врата, украшенные бронзовыми барельефами, которые приделали к входу в храм Святой Софии. Сиггурна была разрушена настолько, что восстанавливать ее не имело смысла. Выжившие жители основали на новом месте новый город – Стокгольм...

Природа конфликта на берегах Балтики была совершенно иной, чем она представляется в патриотической мифе. Князь Александр вообще может считаться патриотом только по недоразумению: ведь именно он был основным проводником татарского влияния и защитником интересов Золотой Орды в землях русского Севера. В борьбе с немцами и шведами новгородцы отстаивали не свою независимость, а свои торговые интересы (не в последнюю очередь – свое право брать дань с угро-финских племен Прибалтики). Шла борьба за контроль над судоходством и за торговые пошлины.

Окончательные результаты пограничных конфликтов XIII века оказались в целом благоприятны для Новгорода. При этом, как показывают исследования, почти перманентное состояние войны с Ливонским орденом на торговле с немецкой Ганзой «никак не сказывалось». Формально, пока орден воевал с Новгородом, купцы из города Любек – главного торгового партнера и новгородцев, и рыцарей – преспокойно вели дела на территории обеих враждующих сторон. Собственно, за долю в этой торговле и шла борьба. А прекращение тор-

говли стало бы катастрофой в равной степени для новгородцев и «псов-рыцарей».

Если XIII век является временем почти непрерывной войны с немцами, то XIV и большая часть XV столетия проходят исключительно мирно. Причем партнерские отношения у Новгорода устанавливаются не только с купцами, но и с рыцарями. Тевтонский орден ведет оптовые закупки мехов в Новгороде, одновременно снабжая купеческую республику столь необходимым ей серебром. В известном смысле оптовые сделки с рыцарями были для новгородцев даже выгоднее торговли с немецкими купцами». [Конец цитаты].

* * *

Прибавим к этому, что патриотический миф об Александре Невском был чрезвычайно выгоден правящей российской верхушке, ибо как нельзя лучше служил оправданием любых ее действий. Здесь мне хотелось бы предоставить слово моей московской знакомой Елене. Это стройная и очень энергичная шатенка, типичная представительница московской интеллигенции. Ее дед, обычный инженер, работавший на одном из заводов Москвы, лояльно относился к коммунистической власти, но был арестован и посажен в тюрьму в годы «великой чистки», предпринятой Сталиным. Вся вина несчастного инженера была только в том, что, выйдя как-то подышать воздухом во двор своего дома, он иронически

отозвался о предстоящих выборах в советские органы власти: «Выбирай, не выбирай, ничего не изменится. Все без нас решат». Кто-то из соседей донес на него, и он провел десять лет в ГУЛАГе, а затем три года в ссылке. Это была не единственная потеря в семье Елены: двоюродный брат деда, офицер Красной армии, был расстрелян как «французский и румынский шпион»; еще двое троюродных братьев, работавшие в государственных учреждениях, погибли в застенках НКВД, куда попали по обвинению «в заговоре и вредительстве в пользу империалистической Англии».

Убежденная сторонница демократии, Елена иногда кажется мне чересчур категоричной в своих утверждениях, – ей, как многим русским, свойственен максимализм, – но ее мысли глубоки и остроумны, они помогают мне лучше понять Россию. К тому же Елена имеет историческое образование и обладает огромным запасом знаний; у нее мужской, аналитический склад ума, и, несмотря на эмоциональность, она не отступает от логики.

Об Александре Невском, когда у нас зашел разговор о нем, Елена сказала следующее:

– Он мало думал о морали, – известно, что Александр часто воевал против своих родственников, например, за город Псков и другие города. Он не проявил себя хорошим полководцем, но показал большую жестокость. Однако кое-кто из наших историков приписал ему позже великие подвиги: он будто отразил крестовый поход на Россию. Это не подтвер-

ждается документами. Римским папой был тогда Григорий IX, и он не выпускал буллу о Крестовом походе на Русь. В той булле, которую он выпустил, содержался призыв переводить в христианскую веру язычников-финнов, которые нападали на христианские поселения на Балтийском море.

Между тем наши историки утверждают, что в булле Григория IX говорилось именно о борьбе с православными, то есть с русскими. Когда там говорится «об обращении язычников в христианство», следует якобы понимать это как призыв обращать православных в католичество. Но римские папы никогда не называли православных «язычниками»: «еретиками» — да, «схизматиками» — да, но язычниками — нет! Это абсурд, ведь православные поклоняются единому Богу и молятся Христу. К этому надо прибавить, что в папской булле есть названия подлежащих покорению языческих финских племен.

«Крестовый поход» на Русь еще потому не мог состояться, что она была разделена на десятки княжеств, и немало русских князей имели союзнические отношения и родственные связи с европейскими правителями. Если бы римский папа призвал к походу против Руси, это был бы Крестовый поход против всей Европы.

Наконец, не следует забывать, что большинство русских княжеств уже были покорены монголами, и Крестовый поход против русских обернулся бы войной с монгольской Ордой, но Европа находилась тогда не в лучшем положении, пото-

му что сама очень сильно пострадала от монгольского нашествия: земли Польши, Германии, Венгрии, Австрии, Италии и даже отчасти Франции разорили монголы. В этих условиях русские вызывали в Европе сочувствие: Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи, писал тогда о монгольском нашествии и сопротивлении русских: «Время пробудиться от сна, открыть глаза духовные и телесные. Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда между ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля».

...И европейские короли, герцоги, бароны и рыцари действительно погибали в борьбе с монголами, – продолжала Елена. – Магистр рыцарского ордена Храма доносил французскому королю Людовику IX: «Знайте, что татары разорили землю, принадлежащую герцогу Генриху Польскому, и убили его с великим количеством его баронов, а также шестью нашими братьями и пятьюстами нашими воинами. Трое из наших спаслись, и знайте, что все немецкие бароны и духовенство, и все из Венгрии приняли крест, дабы идти против татар». А в это самое время князь Александр принял, по примеру своего отца, власть от монголов, обложил народ

данью и разорял его, – а когда народ восстал, Александр с ужасающей жестокостью убивал русских людей.

В Орде его принимал, как родного брата, хан Батый. Александр был даже лицом похож на монгола и имел соответственное сложение тела. Одна его бабушка была из осетин (народность Кавказа. Э.Ф.), другая – азиаткой-половчанкой. На посмертном покрывале Александра Невского, на котором его лицо было списано с натуры, он имеет явно выраженные монголоидные черты и узкую бородку, как у хана Батыя. Так что не случайно монголы считали Александра «своим».

Но в пропагандистском фильме об Александре Невском, снятом при Сталине, роль Александра сыграл актер Николай Черкасов, высокого роста, с типично русскими чертами лица. Таким же Александр Невский изображен на картине Корина, официозного художника сталинской эпохи. Мы видим здесь прямое продолжение самодержавной православной традиции, когда Святой Благоверный князь Александр Невский изображался как идеал русского человека во всех отношениях.

Кстати, воссоздать истинный облик этого князя по его останкам не представляется возможным, – сказала Елена, – поскольку мощи Александра сгорели во время пожара 1491 года во Владимире, – правда, потом они чудесным образом были вновь обретены. Позже они были перенесены в Петербург по личному приказу Петра Великого, а гробницу для них изготовила из чистого серебра императрица Елизавета,

дочь Петра. Ведь деяния князя Александра как нельзя лучше соответствовали официальной идеологии – монгольские порядки всегда были милее для русской власти, чем западные: забвение прав человека, пренебрежение человеческой личностью во имя неких высших государственных интересов – это так характерно для России.

Вы подумайте, во что превратится вся история России, если хоть на одну минуточку предположить, что союз с Западом, вхождение в число западных стран было бы полезнее для русских, чем союз с Востоком! – горячо сказала Елена. – Выходит, русские правители веками запугивали свой народ западной угрозой, дабы править, подобно восточным деспотам, без закона, по собственному произволу. Нет, наши «патриоты» считают по-другому: по их мнению, вся деятельность Святого Благоверного князя Александра Невского была возвышенна, благородна, преисполнена любовью к Отечеству. Скрепя сердце, он укрепил отношения с Ордой, видя в ней щит от злонамеренных притязаний западных владык. Таким образом он сохранил на Руси священную православную веру и заложил основы дальнейшей политики русских князей, которая привела с течением времени к возвышению Москвы, объединению вокруг нее русских земель и созданию великой российской державы.

Вот выдержка из одной из недавних работ на эту тему: «Земные подвиги князя Александра снискали ему признание Отца нашего Небесного: после кончины Александра мо-

щи его были обретыены нетленными, и Православная Церковь причислила его к лику святых. Чудеса, которые случаются около его гробницы, свидетельствуют о том, что и на небесах Святой Благоверный князь Александр Невский остается таким же хранителем российского народа, каким он был при своей жизни», – с горькой улыбкой закончила Елена свой темпераментный рассказ.

* * *

– Вы саркастически отзываетесь о патриотах, – заметил я. – Но почему? Разве патриотизм – это плохо? Любовь к своей Родине – это так естественно.

– Дидро говорил: «Нельзя любить свою Родину, если она не любит тебя», – живо возразила она. – А наш великий мыслитель Чаадаев сказал: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я предпочитаю бичевать ее, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать». Лев Толстой писал о таком обмане, когда патриотизм используют власти, чтобы прикрыть свое безобразие: «Исключительная любовь к своей стране и необходимость жертвовать во имя нее своим спокойствием, имуществом и даже жизнью должны быть отвергнуты... Люди должны понять, что чувство превосходства своей страны есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное – безнравственное. Грубое

чувство потому, что оно свойственно только людям, стоящим на самой низкой ступени нравственности, ожидающим от других народов тех самых насилий, которые они сами готовы нанести им; вредное чувство потому, что оно нарушает выгодные и радостные мирные отношения с другими народами; постыдное чувство потому, что оно обращает человека не только в раба, но в бойцового петуха, который губит свои силы и жизнь на потеху своим хозяевам; чувство безнравственное потому, что, вместо признания себя сыном Бога и высшим созданием, как учит нас вера, – всякий человек, под влиянием чувства превосходства своей страны, признает себя рабом этой страны и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести». Толстой любил повторять фразу одного англичанина: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяев»...

– Эту фразу произнес доктор Самуэль Джонсон, а опубликована она была Джеймсом Босуэллом в жизнеописании Джонсона, – вставил я.

Елена кивнула:

– Да, это так. Между прочим Джонсон произнес ее, когда североамериканские колонии приготовились к бунту против Англии, и в ней на всех перекрестках кричали, что нельзя дать независимость Америке, – это, де, непатриотично. Толстой повторял эту фразу применительно к современным ему российским негодяям, которые лихорадочно искали, где бы им укрыться от народного гнева, и находили это убежище в

словах о любви к России, то есть в патриотизме. Толстой безжалостно срывал с них маску и показывал их отвратительную личину.

Так у нас и сейчас: главные защитники нынешней России, – те, кто громче всех кричат о патриотизме и национальных интересах, – это бездарные правители, казнокрады, взяточники, лжецы и лицемеры, – и под стать им новоявленные богачи, нажившиеся на народной нищете. Для них жизненно важно сохранить нынешнюю Россию, и они будут остервенело защищать ее, – раскрасневшись от гнева, выпалила Елена.

Я не решился ничего ей возразить...

Московское царство

Продолжим исторический очерк. Политику Александра Невского восприняли его потомки, самым успешными среди которых были князья, обосновавшиеся в Москве. Вновь предоставим слово Борису Кагарлицкому («Периферийная империя»):

«Ханский сборщик податей – баскак – стал прообразом российского чиновника. В первую очередь, как признает Карамзин, татарские дани обогатили Москву, выступавшую фискальным посредником между Ордой и другими русскими княжествами: «Иго татар обогатило казну великокняжескую исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после – мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако же платил...»

Финансовые услуги, предоставлявшиеся московским князем Иваном Калитой ордынскому хану, позволили ему не только накопить изрядное состояние, но фактически скупить земли более бедных правителей. Понятно, что в глазах историков Иван Калита предстает коллаборационистом и фактически предателем, тем более что его донос погубил князя

Александра Тверского, пытавшегося поднять народ на борьбу с татарами». Впрочем, московские князья, усилившись, уже не желали делить власть с кем бы то ни было, и если раньше они подавляли выступления против татар, то теперь сами возглавили подобные выступления. Московский князь Дмитрий бросил открытый вызов Орде, а когда хан Мамай повел на Москву огромное войско (в 1380 году), русские войска под командованием Дмитрия разгромили татар в верхнем течении Дона. Воспрянувшие духом русские увидели в этом князе своего спасителя, они сплотились вокруг Дмитрия в едином патриотическом порыве, но, увы, через два года он фактически предал их: когда войско нового ордынского хана Тохтамыша подступил к Москве, князь Дмитрий бежал из города, оставив его жителей на растерзание татарам. Москва была сожжена, ее население уничтожено, а «образумившийся» Дмитрий изъявил свою покорность Орде и признал все прежние условия вассальной зависимости.

Окончательное освобождение от ига пришло лишь через сто лет: Орда к этому времени распалась, а Московское государство, напротив, усилилось; тогда Иван III, правнук Дмитрия, провозгласил себя «царем» (официально этот титул принял его внук Иван IV Грозный) и «государем всей Руси». В короткий срок он сделался правителем громадного государства, превосходившего по размерам Францию. Но власть в России сильно отличалась от европейской – русская власть переняла самые худшие черты азиатской деспотии.

Разумеется, чудовищу российской государственности, этому Левиафану, терзающему Россию, были необходимы сакральные мотивы, оправдывающие его существование. «Чужие» и «хищники», со всех сторон окружающие страну и желающие ее гибели, являлись необходимым, но недостаточным условием. И тогда рождается мессианская идея об особом предназначении России в мире – не случайно рождение этой идеи совпало с рождением российского государства в деспотическом азиатском виде.

В XV веке монах Филофей из города Пскова создает теорию «Москва – Третий Рим», надолго ставшую идеологической базой государства в России. Вот как об этом писал Арнольд Тойнби («Война и цивилизация»):

«...Финалы универсальных государств свидетельствуют, что эти учреждения одержимы почти демоническим желанием жить, и если мы попробуем посмотреть на них не глазами сторонних наблюдателей, а как бы изнутри, глазами их собственных граждан, то обнаружим, что и сами граждане искренне желают, чтобы установленный миропорядок был вечным. Кроме того, они верят, что бессмертие институтов государства гарантировано... Тому, кто удален от объекта наблюдения Временем или Пространством, чужое универсальное государство всегда представляется нетворческим и эфемерным. Но почему-то всегда получается так, что сами жители универсального государства неизбежно воспринимают свою страну не как пещеру в мрачной пустыне, а как землю

обетованную, как цель исторического прогресса!

Это непонимание столь удивительно, что могло бы быть поставлено под сомнение, если бы не огромное количество свидетельств в пользу того, что, несмотря на всю свою парадоксальность, оно действительно существует, и очень многие становятся жертвами этой странной галлюцинации.

В качестве примера приведем универсальное государство в России во время правления Ивана III. Когда прозрачная тень возрожденной Римской империи – призрак призрака эллинского универсального государства – была, наконец, ликвидирована оттоманским завоеванием Константинополя в 1453 г., русская боковая ветвь православия в это время прилагала усилия, чтобы создать свое собственное универсальное государство. Установление русского универсального государства приходится на период с 1471 по 1479 г., когда Московский Великий князь Иван III (1462–1505) присоединил к Московскому княжеству Новгородскую республику.

Быстрая смена событий в основной области православия и его русской боковой ветви, драматический контраст между падением Константинополя и триумфом Москвы произвели глубокое впечатление на воображение русских. Современный исследователь Н. Зернов пишет: «Расширение нации, рост империи – это обычный внешний признак внутреннего убеждения народа, что ему дана особая миссия, которую он должен выполнить. Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире

невольно привело его народ к мысли, что он наделен миссией спасти восточное христианство». Следует сказать, что и другие православные князья до Ивана III жаждали получить знаки отличия Восточной Римской империи. Они не раз обращали свои жадные взоры в сторону Константинополя, но их постоянно постигали неудачи в их нетерпеливых и дерзких попытках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.